

16+

Марта Молина

Эпилог

Марта Молина

Эпилог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48614330

SelfPub; 2021

Аннотация

В жизни Леси есть настоящее чудо: любимая маленькая дочка. Но однажды уютный мир начинает трещать по швам. Что тому виной? Давняя личная трагедия? Возвращение школьной подруги? Или благотворительный фонд «Эпилог», который вместо помощи «неродившим матерям» все глубже погружает общество в распри и скандалы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	42
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марта Молина

Эпилог

Глава 1

– Мамочка, а кто там живет? – указывает на старый дом, утопающий в кустах смородины.

– Не показывай пальцем.

– Почему не показывать?

– Это невоспитанно.

На дом теперь нацелен долговязый одуванчик, сорванный пять минут назад («Мам, смотри, выше пояса!») Цветочная шапка бодро желтеет на еще упругом стебельке.

– А так воспитанно? И кто там живет? Колдунья?

– Почему сразу колдунья?

Хотя здание действительно мрачновато, да и угольно-черный кот у калитки смотрит слишком уж осмысленно.

– Может, это дом пожилой уважаемой женщины. В прошлом, скажем, знаменитой актрисы.

Сидит себе за столом, скромно накрытым к чаю, в окружении блеклых фото. Над головой пятирожковая люстра с розочками. Маятник напольных часов гулко отсчитывает секунды. А перед глазами, поверх старинного комода и полосатой софы – шумная премьера, овации, поклонник-подпол-

ковник и юные лица на свежих афишах...

И за окном – залиvistый детский смех. Девочка в ярких резиновых сапожках, размахивая гигантским одуванчиком, звонко возражает:

– Нет, мамочка, не может быть, актрисы в таких домах не живут!

– В каких же домах живут актрисы?

– Актрисы? – удивленный взгляд с выражением «это знает каждый». – В особняках, конечно!

– А это чем тебе не особняк?

– Какой же это особняк. Это так, домик! – пренебрежительно машет ручкой. – Ой, киса! Кис-кис-кис...

Кот как будто закатывает глаза, брезгливо изгибает хвост и удаляется в сад через приоткрытую калитку.

Глава 2

– Более символического действия, пожалуй, придумать невозможно, – тараторит журналистка, проникновенно глядя в камеру, и ветер ставит ей рожки, поднимает короткие пряди на темени. – Прямо сейчас за моей спиной проходит мероприятие, посвященное прощанию с неродившимися детьми. Это уникальный в своем роде проект, созданный Анной Костомаровой, простой домохозяйкой из подмосковного Серпухова. Участники, а точнее, участницы события – несостоявшиеся мамы, потерявшие своих малышей до или сразу после родов.

Камера медленно движется вдоль столов, у которых копошится несколько женщин. Запыхавшийся голос за кадром поясняет:

– Мы видим, как участницы при помощи маркеров рисуют воздушные шары. Зрелище могло бы показаться праздничным, если бы не печальная тематика мероприятия. На шариках женщины изображают своих нерожденных детей: кто-то рисует плод в утробе, кто-то новорожденного младенца или даже ребенка постарше – таким, каким мама представляла своего малыша, вынашивая его. На некоторых шарах есть подписи – это имена, давно придуманные, но так никогда не данные своим детям безутешными родителями.

Голос журналистки театрально срывается, замолкает на

миллисекунду, во время которой зрителя должно захлестнуть сочувствие к нереализованным матерям.

– Сейчас мы побеседуем с организатором акции Анной Костомаровой.

Взлохмаченная журналистка тычет микрофон в лицо растерянной женщине.

– Анна, расскажите, что здесь происходит.

– Здесь собрались мамы, дети которых умерли во время беременности или сразу после родов. – Она говорит с паузами и запинками, шмыгая красным от ветра носом. Но постепенно голос набирает силу, а речь скорость, как бывает у стеснительных людей, рассказывающих о своем увлечении, о правильном и хорошем по их мнению деле.

– Проблема таких женщин... – она сбивается и начинает заново: – Дело в том, что когда мама теряет ребенка – это трагедия, понятная всем. Пережить своих детей всегда было проклятием, такого даже врагам не желают. Скорбь о сыне или дочери, можно рассчитывать на поддержку окружающих, на понимание и сочувствие. Но ситуация поворачивается несколько по-другому, когда речь идет о потере еще нерожденного ребенка. Такой маме общество, в том числе и близкое окружение, дает гораздо меньше времени пережить свою потерю. Каждый день умирают сотни эмбрионов: женщины решаются на аборт, и это не воспринимается как настоящая смерть, что бы ни говорили борцы против искусственного прерывания беременности. Из-за этого и смерть

пусть даже желанного, долгожданного, но еще не рожденного ребенка не кажется людям, как бы это сказать... настоящей. А ведь во время беременности связь с ребенком ощущается чуть ли не сильнее, чем после его рождения. Женщина носит в себе несколько недель или месяцев не просто «плод» – она вынашивает свое будущее, человечка, живет этим чудом. Сколько страхов, надежд, радости она переживает за это время. И представьте: носить и ждать ребенка, скажем, полгода, да или все девять месяцев, и вдруг потерять его, так и не увидев! Поверьте, по ощущениям женщины это такая же полноценная трагедия, как и смерть годовалого, пятилетнего, пятнадцатилетнего ребенка. Но нерожденного малыша даже похоронить нельзя! Чаще всего с ним невозможно попрощаться, посмотреть на него в последний раз. Словом, нельзя сделать ничего из того, что делают люди, провожая близких в последний путь.

Анна оглядывается на своих подопечных и продолжает:

– Нет могилы, нет фотографий, вообще нет вещественных доказательств того, что этот малыш существовал! Вы представьте себе всю ту боль и одиночество, с которыми остается женщина, потерявшая ребенка до его рождения. Отец малыша, как и все остальные, тоже не может в полной мере поддержать ее и разделить горе: он не видел своего сына или дочь, он с ним не знаком. Этого ребенка не было во всем мире, и потому мир не может оплакивать его. Для эмбриона мама была миром, и мама остается с этой ужасной

пустотой наедине. Многие продолжают носить, как бы донашивать, вынашивать в себе эту пустоту годами. Общество таким женщинам отводит неделю на поплакать, и более долгое горе воспринимается как слабость, жалость к себе или даже симулянство. Вы не обращали внимание, что сейчас даже скорбь четко регламентирована? Есть сроки, в которые нужно уложиться со своими переживаниями, и если выходишь за рамки (или, наоборот, не дотягиваешь, справляешься с горем раньше) – с тобой что-то не так. Когда у вас умирает бабушка, можно скорбеть несколько дней, а когда муж в расцвете сил – на траур вам отпустят несколько месяцев. У нас считается ненормальным горевать по коту больше 2-4 дней, даже если этот кот был самым любимым существом в течение, скажем, десяти или пятнадцати лет.

Репортер задумчиво кивает, собирается что-то спросить, но Костомарова говорит, не останавливаясь:

– Вдумайтесь: штампы и нормы, правящие нашим миром, захватили даже такую сугубо интимную область жизни, как скорбь по умершим! И грусти по нерожденным детям в этой шкале отводится не самый большой срок. Но разве можно скорбеть по расписанию? Женщины живут с этой болью, зачастую скрывая ее от окружения и даже от себя. Как отпустить эту боль?

Анна бросает тревожный взгляд на часы и спешит закончить мысль:

– Однажды я поняла, что розовый шар с изображением

эмбриона в утробе матери – это идеальный образ нерожденного малыша. Согласитесь: круглый, как живот беременной, полупрозрачный, как призрак. И главное, его можно отпустить – знаете это выражение, отпусти свое горе, отпусти плохую ситуацию? – так вот этот шарик можно отпустить. И что с ним будет? Правильно, он улетит к небесам! Туда, где, как многие верят, и обитает теперь душа ребенка! Этот символический поступок, надеюсь, хоть немного поможет унять горечь, позволит поставить некую точку, попрощаться с малышом и своим несостоявшимся материнством. Наконец мать увидит образ своего ребенка, наконец увидит, что с ним случилось: вот он был рядом, а теперь улетает на небо. Пусть это и простой воздушный шарик, поднимающийся к облакам.

– А сейчас, – вступает репортер, – участницы закончили создание, скажем так, образов своих детей и готовы выпустить шары в небо.

Женщины откладывают фломастеры и замирают с разрисованными шариками в руках. Здесь, на траве в городском парке, под хмурым небом, вокруг составленных в ряд обшарпанных столов их неподвижные фигуры напоминают скульптуры на кладбище. Только ветер вносит динамику в эту застывшую картину: треплет полы плащей, длинные юбки и челки. Видно, как некоторые женщины что-то шепчут своим шарикам, другие просто прижимают их к груди или животу. Несколько участниц тихо плачут.

Анна медленно обходит собрание: негромко говорит с каждой участницей, получает ответный кивок и переходит к следующей.

Журналистка комментирует:

– Теперь организатор церемонии Анна Костомарова сообщает женщинам, что пришло время прощаться и отпускать шары в небо. Как было заявлено в группе на Фейсбуке, где впервые и появилась информация о готовящейся акции, запуск шаров должен осуществиться в одно время, в семнадцать ноль-ноль. Анна уверена, что такая синхронность поможет неродившим матерям почувствовать единство и избавиться от чувства отчужденности и одиночества. На часах без двух минут пять, совсем скоро в воздух поднимется двадцать девять шаров – именно столько участниц насчитывает мероприятие.

– Если честно, мы не ждали от телевидения такого внимания, – негромко поясняет Костомарова. – Наш проект совсем не масштабен, на участие подписалось всего пятнадцать человек, но пришло почти в два раза больше. Хорошо, что мы запаслись шариками, фломастерами и всем необходимым в достаточном количестве. Правда, две участницы принесли свои материалы, но остальные просто пришли. Пришли в ожидании помощи и поддержки... Все, пора запускать.

Она отходит от оператора, возвращается к группе и громко, но мягко сообщает: «Отпускаем на счет три. Раз!»

Группа оживает, слышны всхлипы, несколько человек

выпрямляется и с решимостью поднимает шары над головой. Глядя на них, остальные делают то же самое. На счет «два» уже все женщины с непроницаемыми лицами стоят с поднятыми шарами. Ветер вырывает их из рук, и одна не удерживает, с приглушенным «ах-х» раньше времени выпускает нитку из пальцев. Шарик, вращаясь вокруг своей оси и покачиваясь, поднимается все выше и выше. «Три!» – спешно командует Анна, и над группой взмывает двадцать восемь розовых и красных воздушных шаров, унося горестные мысли и невоплощенные мечты. Камера следит за их стремительным подъемом, и удовлетворенный голос репортера дает финальную реплику:

– Акция, направленная на поддержку неродивших матерей, завершена. Прямо сейчас на наших глазах в небо устремляется почти три десятка воздушных шаров, символизирующих младенцев, умерших в утробе или сразу после рождения. Тех, смерти которых в нашем обществе уделяется так мало внимания. С вами была Дана Кринабати, специально для одиннадцатого канала.

Глава 3

С некоторых пор отвечать на звонки совсем не хочется. Лень принять вызов, прижать трубку к уху и поддерживать пустую болтовню. Неделя игнорирования телефона приносит плоды: непринятых вызовов заметно убавилось. Молчат мессенджеры, а смс приходят лишь от банка да оператора связи. Ну и пусть.

Но сегодня кто-то совершил невероятное: оставил запись на автоответчике. Кто сейчас вообще пользуется голосовыми сообщениями?

Известно, кто.

Эмма – лучшая подруга со студенческих времен. Вернее, одна из двух лучших подруг. Вторая, Катя, мягкая и покладистая, всегда предпочитала плыть по течению и не отвлекаться от своих дел на излишнюю активность. Не берешь трубку? Что ж, перезвонишь, как сможешь. Когда-нибудь потом. Придется долго ждать? Нестрашно, Кате всегда есть чем заняться. В юности она слыла девушкой самодостаточной: масса увлечений и спокойных хобби, не требующих компании, делали ее неуязвимой для скуки. После появления мужа и детей Катина занятость сохранилась, но поменяла вектор. Сегодня она настолько растворилась в семейных хлопотах, что забыла про себя и весь мир. Отними семью – и Катя останется в оглушительной пустоте, застынет в ожидании,

даже не пытаюсь вспомнить, как это: жить для себя.

Зато боевой характер Эммы не давал покоя ни ей, ни ее окружению. Именно Эмма всегда являлась зачинщицей спонтанных поездок, розыгрышей и прогулов. Жгучая энергия возрастала в десятки раз, когда кто-то пытался ее остановить. «Не звони», «не ходи», «не вмешивайся» – такого Эмме говорить было нельзя. Просьба чего-то не делать словно включала в ее голове дрель, жужжащую одной-единственной мыслью: «Давай сделаем, давай сделаем, давай 3-3-3-3-сделаем!»

Всегда было большой ошибкой поделиться с Эммой планами. Она просто не могла жить в мире неоконченных дел и неосуществленных намерений. Ее активность требовала заземлить все подвешенное и реализовать все задуманное. Она не могла сдерживаться и почти каждый день, каждый божий день напоминала бедолаге о его задумке и требовала отчета о выполнении. Если процесс останавливался, Эмма предлагала миллион вариантов решения проблемы. Ей было проще сделать все самой, чем видеть, как что-то остановилось на полпути.

Эти черты делали Эмму незаменимой в сложных ситуациях. Предоставить помощь, свести с нужными людьми – подобные вещи Эмма делала каждый день на лету, бескорыстно и с удовольствием. Эту палочку-выручалочку все любили, но никто не мог выносить долго.

Ждать, пока перезвонят, Эмма не способна: наверное, ее

просто разорвет от невысказанного. Она всегда кажется веселой, но ее энергию нельзя назвать радостью: взвинченность, возбужденность, напряжение. Вот и сейчас она быстро наговаривает на автоответчик нервным голосом, сопровождающимся шумом льющейся воды и звоном посуды.

– Лесь, привет, как дела, куда пропала? Роман закрутила? Или на работе завал? В общем, слушай: у Кати вся семья в конце месяца уезжает на море, а она остается в своем крутом доме на острове совсем-совсем-совсем одна. Говорит, ей там скучно, и зовет нас присоединиться. Хотя на выходные, может, вырвешься? Побыли бы втроем: посидели, погуляли в сосновом лесу. Поболтали, похихикали. Что скажешь? В общем, я туда поеду с пятницы по воскресенье, двадцать третьего числа то бишь. На машине. Могу и тебя подхватить, если захочешь. Ты же до сих пор без колес? Еще пьешь свои лекарства? Без колес из-за колес, ха-ха. Перезвони. Чао!

Было время, когда каждая поездка воспринималась как захватывающее событие: планировались дела до отъезда, покупались обновки, составлялись списки вещей в дорогу. Работа с частыми командировками быстро развеяла романтический флер путешествий. Теперь любые сборы занимают не больше часа. Как-то под руку попался старый блокнот со списками вещей и дел: «До поездки не забыть», «Успеть купить», «Что взять с собой». Через несколько страничек списки повторялись. Именно тогда стало очевидным: неважно, куда едешь – ты остаешься такой же. Берешь с собой одно и

то же, делаешь одно и то же, беспокоишься об одном и том же, и никуда от этого не убежишь.

Поэтому сборы в дом на острове займут не более пятнадцати минут. Что нужно женщине на два дня? Чистое белье. Зубная щетка, косметичка. Средство для снятия макияжа. Кошелек и зарядка для смартфона. Вот и все. А иногда достаточно просто кошелька: все можно купить, без всего можно обойтись.

За окном бушует холодный ливень.

Дом на острове словно создан для такого непогожего лета. Морось на водной глади, хвойный лес в дождливой пелене. Переливающиеся угли в настоящем камине и теплая женская компания. В конце концов, что еще нужно для идеального уик-энда?

Глава 4

Полпятого, и в квартире справа сели за фортепиано. Сначала – беглая разминочная гамма, вверх и вниз, затем несколько сильных аккордов во всех октавах. На пятой промазали: секундная заминка. Ясно представляется, как юная пианистка с досадой трясет кистью, крутит запястьем, сжимает и разжимает кулачки, чтобы руки больше не подвели.

И вот полилась музыка. Соседский репертуар на удивление приятен: никаких школьных этюдов, скучных разучиваний и бесконечных повторений сложных пассажей. Одна мелодия плавно переходит в другую, и общая программа занимает около получаса. Узнаваемые темы из кино, немного классики, пара джазовых импровизаций. Судя по манере игры, исполнительнице лет двенадцать-тринадцать, не меньше. И она, безусловно, обладает выдающимся талантом. Наверняка на музыкальных конкурсах девочка занимает призовые места: раскрасневшаяся и нарядная, после блистательного исполнения какой-нибудь сложной фуги раскланивается на ярко освещенной школьной сцене, а за кулисами старенькая учительница украдкой утирает горделивую слезу.

Интересно, поддерживают ли родители? Планируется ли на семейных советах поступление в консерваторию? Или пианистка наслаждается последними беззаботными годами, ведь в старших классах пойдут репетиторы, подготовитель-

ные курсы, экзамены, и станет не до всей этой музыкальной бесперспективной ерунды?

Пальцы быстро-быстро забежали по клавишам, и звуки, словно касаясь мягкой лапкой самого сердца, постепенно убаюкивают скрытую, ноющую, глубинную тоску.

Глава 5

– Добрый вечер, уважаемые телезрители. Вы наверняка помните наш недавний репортаж об акции прощания с неродившимися малышами. Сложно забыть душещипательные кадры, в которых безутешные мамы отпускают в небо воздушные шары в надежде, что это поможет заглушить боль утраты... Мы продолжаем следить за развитием такого важного социального проекта. И сейчас, по прошествии двух недель, решили выяснить, как относится широкая общественность к детищу Анны Костомаровой. В прямом эфире наш корреспондент Дана Кринабати.

– На сегодняшний день проведено уже три церемонии прощания, – рапортует журналистка. – Сейчас вы можете видеть, как за моей спиной организаторы третьей акции собирают реквизит, а участницы расходятся по домам.

На заднем плане и вправду вяло копошатся люди: сворачивают тент, уносят столы.

– Мнения участниц акции собрать не удалось, – кается Кринабати. – Расспрашивать горюющих женщин сразу после церемонии не совсем этично. Оставив участниц наедине со своими эмоциями, мы обратились с вопросами к зрителям мероприятия, коих в этот раз собралось немало.

В кадре молодая парочка: тощий юноша и белокурая девчушка. Юноша тупо улыбается, глядя прямо перед собой,

зато его подруга бойко отвечает на вопрос:

– Мы просто прогуливались, как увидели начало акции. Конечно, мы уже слышали о таких мероприятиях, поэтому подошли посмотреть. Это все похоже на похороны, немного удручает, но если задуматься, то ведь этим неродившим матерям что-то подобное как раз и нужно. Я видела интервью с организатором, Анной Кость... Костопра... да, точно, Костомаровой, спасибо! Она говорила, как важно дать мамам возможность проститься со своими детьми. Здесь это так и ощущается: грустно, несколько уныло, но все как-то... – она запинаясь, подбирая слово.

– В тему, – вдруг подсказывает парень.

– Да, точно, в тему! – радуется девушка.

В кадр любопытно влезает пожилая женщина, и микрофон двигается в ее сторону.

– А я считаю, – заявляет она, – что им в церковь надо, а не в парке шары запускать. Уныние есть грех, и так безутешно оплакивать своих младенцев означает идти против воли Господа нашего. Смирения у них нет! Гордыня сплошная!

Микрофон резко дергается, и камера перескакивает на соседнее лицо. Видимо, религиозные споры в сюжет репортажа не вписываются.

– Что я думаю по поводу акций? – растеряно переспрашивает розовощекая блондинка. – Да я стараюсь об этом не думать, сами понимаете.

Оператор отступает, и становится видно, что блондинка

беременна. Поглаживая огромный живот, она продолжает:

– Даже представить себе не могу, какое горе они чувствуют. У меня срок семь месяцев, и если вдруг что-то пойдет не так, и все эти семь месяцев насмарку, я наверняка просто сойду с ума! – на ее глаза наворачиваются слезы. – Простите, от гормонов такое бывает.

На помощь подоспевает вторая девушка, с животом поменьше. Внешнее сходство усилено однотипной одеждой: двойняшки. Она успокаивающе гладит сестру по плечу и гневно высказывается:

– А я считаю, что такие церемонии в нашем парке ни к чему! Нам с сестрой нужно о хорошем думать. А после такого зрелища только расстраиваешься, начинаешь воображать разные беды, которые и с тобой могут случиться. Мысли материальны, слышали такое? Так что от подобных акций лично у меня мурашки по коже.

– Но как вы относитесь к самой идее помощи таким женщинам? – спрашивает журналистка.

– Идея неплохая, – немного остыв, соглашается беременная. – Бесспорно, это огромное горе и все такое. Да, неродившим нужна поддержка, но и нам, нормальным, она тоже нужна!

Ведущий радостно потирает руки:

– «Нормальным», – цитирует он голосом человека, предвкушающего скандал. – Вот глас народа! Россияне испытывают жалость к участницам акции, это факт. Люди у нас доб-

росердечные. Но при этом они считают, что неродившие матери ненормальны. Обратите внимание, это мнение высказывает женщина, которая и сама готовится скоро стать мамой. Кому, как не ей, должны быть близки и понятны все страхи и горести неродивших матерей? Но она считает, что после смерти ребенка жизнь продолжается, и живых от мертвых нужно ограждать. А как считаете вы? Выскажите на сайте нашего канала: ваше мнение стоит того, чтобы быть услышанным!

Глава 6

Пятница кажется праздничной, хотя на календаре просто лето. Погода наладилась. Еще только полдень, но никто никуда не спешит. Люди расслабленно бредут по бульвару, растекаясь на солнцепеке. Город беззаботных безработных.

Эмма уже ждет, и стоит поспешить, чтобы добраться до Катиной фазенды без пробок. Осталось немного: свернуть во дворы и через прохладную арку вынырнуть к метро.

Отчаянный воробышко, уверенно лавируя в толпе, пролетает над тротуаром и присаживается на стол уличного кафе. Деловито осматривается в поисках крошек, придирчиво разглядывает капли на столешнице. Зыркает на парочку за соседним столиком: никакой еды, лишь два бокала да пельница. Наклоняет голову и вдруг вспархивает, исчезает, будто его и не было.

– Мама, а куда воробушек полетел?

– Искать место, где его покормят.

– Давай мы его покормим?

– Так он же улетел уже.

– А давай купим ватрушек и будем носить с собой на всякий случай, вдруг мы его снова встретим!

– Ага, а потом не встретим, и все ватрушки достанутся тебе. Ах, хитрюшка – любитель ватрушек!

Вести беседу с ребенком можно бесконечно. Трудно по-

нять тех, кому общение с детьми кажется скучным. Ведь темы рождаются на каждом шагу, в каждом проявлении многообразия жизни, и никогда не знаешь, куда заведет кипучая смесь детской фантазии и любопытства.

Взять бы в ладонь теплую дочкину руку и позволить увлечь себя в ее мир. Мир, сотканный из обрывков сказок, полный волшебства и вещей настолько простых и одновременно невероятных, что от удивления невозможно удержать смех.

Всем известно: стоит замечтаться, и жизнь тут же покажет изнанку. Для баланса.

Из распахнутого окна высовывается голая девчина и под грохот попсы пьяно кричит: «Пусть все идут на...» Эхо подхватывает последние три буквы и радостно рикошетит по стенам домов, скатывается по горке на детской площадке, отпрыгивает от карусели и устремляется ввысь, туда, где жаркое солнце золотит верхушки тополей.

Есть вещи, которые хочется вырезать из мира, в котором растет ребенок.

Глава 7

Дом на острове стал бы отличной декорацией для фильма любого жанра. В солнечные дни здесь можно снимать красочный мюзикл, в пасмурные – психологическую драму. Зимой на фоне местных пейзажей развернулась бы романтическая комедия, а в ноябре – классический фильм ужасов с ветками, скребущими по стеклу, и старой лодкой на туманном озере.

Сейчас, в июле, дом сияет стеклами и флюгером, приглашающе машет тюлем из распахнутого окна. Под колесами вкусно хрустит гравий, веет свежестью от близкой воды. Эмма глушит мотор. Зашумели, аплодируя, сосны.

– Девчонки! – раздается визг с террасы. Катя вскакивает навстречу, и на половицах скрипит кресло-качалка.

– Совсем одичала, женщина, – бормочет Эмма, освобождаясь от повисшей на шее подруге.

– Какая ты сегодня! – восхищенно тянет Катя, отстраняясь и окидывая подругу влюбленным взглядом.

А посмотреть есть на что. У Эммы новая стрижка: гладкие, блестящие, словно облитые лаком черные волосы с рыжей поперечной полосой. Темный джемпер подчеркивает синеву глаз, черты лица кажутся еще тоньше из-за смуглого загара. Эмме не знакома проблема лишнего веса, от природы ей досталась сухощавая фигура, та, которую завистники

называют костлявой, а поклонники – точеной.

Но здесь нет завистников, только друзья.

– Хватит обнимашек, – смущается Эмма. – Тащи штопор, топи камин!

– Да все готово еще с утра! Я вас так ждала, так ждала! В этой глуши вообще нечем заняться. Совсем-совсем нечем! – жалуется Катя, подхватывая пакеты с едой и направляясь в дом.

Как может быть нечем заняться в такой красоте? Созерцай рассветы да слушай соловьев: уже только этого должно хватить для полного счастья.

Из просторной гостиной на улицу ведет вторая дверь, к озеру. На веранде три соломенных стула и столик, а дальше – тропинка, обсаженная пестрыми турецкими гвоздиками и убегающая к маленькому причалу. Зловещей лодки на этот раз нет: триллеров не запланировано.

В стороне на пригорке раскинулась ракета. К ветке привязаны самодельные качели. Если на них сесть и поднять голову, то увидишь резной узор из узких листьев на фоне синего неба. Настоящий шатер из листвы: крона настолько густая, что даже дождь под ней не страшен. Можно качаться и наблюдать, как капли оставляют на озере круги и пузыри. Идеальное место для игр маленькой девочки.

– Леся, хватит медитировать, давай в дом! Мы уже для тебя, лентяйки, тут все устроили!

Смеркается, тепло камина прогоняет ночную сырость.

Эмма ежится, хватает сразу три кубика сыра и подсаживается к огню. Катя, с набитым виноградинами ртом, разливает из тяжелой бутылки.

– Давайте, девчонки: за встречу!

Звонко встречаются бокалы. Хозяйка дома, щурясь от удовольствия и вина, оглядывает компанию.

– Здесь просто нечем заняться, – повторяет она. – Даже по телеку смотреть нечего! Как ни включишь, либо сериалы про ментов, либо новости.

– А что, кабельного в твоём дворце нет? – хмыкает Эмма.

– Ой, да какой там дворец! – машет рукой Катя. – Скворечник! В подвале вода, крышу перекрывать надо, трубы гудят.

– И кабельного нет, – качает головой Эмма.

– Точно! Антенну ветром снесло позавчера. Техник все никак не доедет. Чувствую, пока муж не вернется, я без нормальных каналов. В интернете мне неинтересно. А чем еще заняться – ума не приложу!

Конечно, такой случай поупражняться в остроумии упустить нельзя.

– Вязать начни!

– Гладью вышивать!

– Напиши нового «Гарри Поттера»!

– Орхидеи еще можно разводить!

– И кошек!

– Точно, кошек! Ты же независимая и самодостаточная

женщина, где твои кошки?!

– Зачем мне кошки? У меня муж есть, – оправдывается Катя.

– Ну так выпьем же за крепкую семью, в которой даже кошки не нужны! – прыскает Эмма, и тишина ночного дома прочно вытесняется смехом и болтовней.

Почти стемнело.

– Не учится, не ищет работу, – рассказывает Катя про старшего сына. – Какой в этом толк, говорит. Любая деятельность бессмысленна: мол, мы работаем, выбиваемся из сил, зарабатываем деньги и спускаем их на поддержание жизнедеятельности, чтобы можно было проработать подольше. Потом болеем и умираем, а мир каким был до нашего рождения, таким же точно и остается после нашей смерти. Во всем этом, говорит, никакого смысла нету, и я не хочу впрягаться в колесо бессмысленной рутины.

– Да твой сын чертов просветленный, – изрекает Эмма.

– Ой, да какой там просветленный, – закатывает глаза Катя. – Лежать на диване целыми днями и обедать дважды в день – в этом смысла, конечно, гораздо больше, чем стать уважаемым человеком, завести семью и слезть наконец-то с родительской шеи.

– Ну, может, это временное бездействие. Просто период такой переходный. Однажды он поймет, чем хочет заниматься.

– Хотелось бы надеяться на это, – кивает Катя. – Хотя бы он не стал одним из этих пузатых лентяев, в сорок лет живущих с мамой.

– Так странно слышать это от тебя, Катя. Я прямо тебя зауважала! Обычно мамочки, наоборот, удерживают своих детей рядом как можно дольше...

– Прошли те времена. Был бы он единственным ребенком, может, я бы и осталась клушей, не отпускающей от себя своего цыпленочка. Но у меня еще двое. Это нормальное течение жизни: дети растут, встают на ноги и уходят, а потом, к старости, возвращаются и помогают своим родителям понять, что их жизнь прошла не зря.

– То есть для тебя смысл человеческой жизни в семье?

– Не знаю насчет всего человечества, но в моей жизни главное дети, это да. Я не претендую на абсолютную истину, конечно. Но для меня важнее ничего нет.

– Так донеси эту идею до сына. Может, она вдохновит его? Покажет новый вариант смысла жизни?

– Да говорила, – пожимает плечами Катя и замолкает.

– И? Что он думает?

– Мой сын считает так: люди не знают, что делать со своей жизнью. Говорит, мы все понятия не имеем, для чего живем и чем должны заниматься. Из-за этого наше существование пусто. И если постоянно и сознательно смотреть в эту пустоту, можно сойти с ума и повеситься, потому что невозможно так жить. Чтобы отвлечься, отвлечь себя от этого осознания

глобальной пустоты и никчемности, люди заполняют свою жизнь всякой «суетой», как он выражается. Строят семьи и растят детей, общаются, выполняют никому не нужную работу, деньги от которой тратят на никому не нужные вещи и развлечения. Ставят себе цели и увлеченно кидаются их достигать. Делают все, что угодно, лишь бы не вспоминать о главном: о том, что они не знают, что делать со своими жизнями.

Воцаряется молчание. Нужно примерить сказанное на себя, оспорить и доказать себе, что, может, это и истина, но для кого-то другого. Действительно, многие не знают, зачем живут, и стремятся к надуманным и иллюзорным целям. Со стороны это отлично видно. Многие – но только не мы! У нас-то все окей.

– Вау, – нарушает паузу Эмма. – Все-таки твой сын чертов просветленный. Хоть и обжора, ведь два обеда в день – это сильно!

А потом настает время обсуждения личного. Меняются интонации, принимаются более доверительные позы. Катя обхватывает ладошками бокал, словно чашку горячего какао, и участливо пододвигается к Эмме.

– А как твой Макс, общаетесь после развода?

– Так, – Эмма неопределенно крутит запястьем, – общаемся. Два месяца прошло. Уже завел подружку.

Катя выдерживает паузу, негодуяще округляет глаза. По-

ра углубиться в чувства.

– И как ты? Не переживаешь?

– Да мне по барабану, если честно. Прожили мы всего год, разошлись мирно, претензий я к нему не имею и иллюзий не питаю. С чего бы мне переживать?

Никто не знает, с чего бы ей переживать, и Эмма продолжает:

– Он тоже молодец: ну что, спрашивает, ты за меня рада? Я ему правдиво и ответила: я за тебя не рада. Мне может быть плевать, может быть обидно, досадно или завидно – но с чего мне радоваться? Неужели ты веришь, что экс-супруги могут искренне радоваться, когда кто-то быстро находит им замену? Да какой человек вообще будет радоваться такому?

Чувствуется, что Эмма права. Но эта правда облекается в какие-то неправильные слова. Слишком честные, наверное.

Эмма продолжает:

– Такое же недоумение у меня вызывают комментаторы в Инстаграме, которые под фотографиями чужого младенца в дурацком комбинезоне пишут восторженные отзывы: «Молодцы!», «Красавцы!». Люди, неужели вам не все равно? Вы правда настолько впечатлены заурядным снимком? Или просто хотите поддержать мамашу, которая демонстрирует своего ребенка в сети в жадной жажде одобрения?!

Эмма входит в раж, и надо ее немного остудить, пока разговор не повернул в русло злобной критики и сплетен.

– «Жадная жажда», вот это выраженьице! Эмма, за тобой

записывать надо!

Она фыркает и переводит дух.

– Так что с бывшим мужем-то? – робко напоминает Катя. – Ты не рада, что он завел подружку. Вдруг ты его еще не разлюбила?

– Вот еще! Конечно, разлюбила. Да не в любви же дело, неужели непонятно, девчонки? Мне может быть неприятно, что меня так легко забыли. Могу испытывать ревность из-за чувства собственности. К любви это никакого отношения не имеет! Могу остаться равнодушной: нашел кого-то, ну и слава небесам. Но прыгать от радости, что бывший влюбился? Странно это как-то.

– Эммочка, ты такая... – Катя смотрит в бокал в поисках нужного слова.

– Что, черствая? – с подозрением уточняет Эмма.

– Нет, что ты! Здравомыслящая, вот!

– Да, – пожимает плечами Эмма, – здравомыслие – мой конек. Мужчины странные существа: когда женщина чужая, здравомыслием восхищаются. А когда своя – так сразу в стерву переименовывают! Никакой логики, одни эмоции. Выпьем за логику, а?

Два часа спустя в гостиной накурено, громко играет хит восьмидесятых – «О-о-о, какая песня, девчонки, помните, помните? Давайте припев все вместе!» Эмма пускается в пляс, крутя над головой шаль, как ковбой лассо.

– Этой песне сто лет, уже и сам певец наверно забыл, что

она существует!

– Знаете, я ведь совсем не в курсе, что сейчас слушают.

– Это нормально, ты взрослый самодостаточный человек, у тебя давно сложился музыкальный вкус, и тебе больше не нужно искать себя во всех этих модных новинках.

– Какая красивая альтернатива фразе «ты замшелая старая карга»!

– А замечали, что в восемнадцать лет мы говорили ту же фразу: «Я вообще не знаю, что сейчас слушают», пытаюсь подчеркнуть свою индивидуальность, дать понять, что мы не с мейнстримом, не в толпе, не в стаде?

– А что этой фразой ты хочешь сказать сейчас? «Я отстала от молодежи и чувствую себя старой, разубедите меня»?

– Наверно, да. Разубедите же меня!

– Легко! Смотри, это фото сделано десять минут назад, ты здесь оседлала кресло и изображаешь мачо на корриде под песню Рики Мартина. Без сомнения, на этом снимке – взрослый самодостаточный человек со сложившимся музыкальным вкусом!

Когда веселье утихает, Катя тянется за пультом и принимается скучающе переключать каналы, приговаривая: «Ну нечего смотреть, совсем нечего смотреть».

Внезапно Эмма тычет пальцев в экран.

– О! Смотрите! Опять Аньку показывают! Верни-верни на канал назад, ну скорей, переключи обратно!

– Да чего тут необычного, эту Аньку разве что по уютю не

показывают, – ворчит Катя, но канал послушно переключает.

– Громче, громче сделай, не слышно же ничего!

Комнату наполняет баритон популярного телеведущего.

– В нашей студии Анна Костомарова, организатор проекта «Эпилог». Напомню, что чуть больше месяца назад состоялась первая акция, собравшая всего двадцать девять участниц – женщин, потерявших своих детей во время беременности или сразу после родов. С тех пор это действие повторилось шесть раз в Москве и тринадцать в подмосковных городах. Анна, как вы можете прокомментировать это?

– Прокомментировать что, количество акций? – Костомарова слегка усмехается. – Не очень понимаю, что здесь стоит комментировать. Наш первый выход показали по ТВ, после чего всего за сутки видеозапись нашей акции набрала полмиллиона просмотров, что является заоблачным показателем для роликов, не содержащих эротики, скандала, политики. В нашу группу добавилось несколько тысяч женщин, и меня просто забросали вопросами, как можно поучаствовать в следующей акции, когда и где мы планируем ее провести. Такой ажиотаж показал мне, насколько востребована сегодня поддержка женщинам, потерявшим своих младенцев – в сети их сейчас называют «неродившими матерями».

– Вы не ожидали такого горячего приема?

– Конечно, нет. Я вообще не ждала развития проекта. Я просто делала то, что в один прекрасный момент посчитала нужным сделать. И вот результат: люди стали откликаться.

Женщинам это нужно. Разумеется, нельзя было игнорировать многочисленные просьбы, и мы стали организовывать акции прощания все чаще.

– Подскажите, отличаются ли акции сегодня от той самой первой?

– Сильно отличаются. Первый выход был довольно спонтанным. Мы просто расставили несколько столов на траве в парке, объявили о дате мероприятия в соцсетях, купили сорок шариков и фломастеры. Даже не озаботились съемкой. Делали это больше для себя – я имею в виду, для участниц. Это была просто встреча друзей. Но нас показали по телевизору, и проект мгновенно вырос. Теперь на встречу нельзя прийти просто так, нужно записываться. Мы составили график, и запись есть уже на пять встреч вперед!

– А еще у вас появились спонсоры, – вкрадчиво добавляет ведущий.

– Да, – немного с вызовом, будто оправдываясь, отвечает Костомарова. – Во-первых, желающие принять участие живут не только в столице. Нам приходится выезжать в подмосковные города. На организацию и дорогу требуются средства. Я бы и сама справилась: билеты и расходные материалы не так много стоят, но отказываться от предложений спонсоров было бы глупо. На спонсорские средства мы можем организовывать наши акции более... м-м-м... красиво, если это слово уместно. Согласитесь, первая акция представляла собой несколько удручающее зрелище.

– Согласен, – кивает ведущий. – Эти обшарпанные парты, мало организованности.

– Теперь есть возможность обставить все более достойным образом. Как минимум, украсить место проведения акции. Мы угощаем участниц чаем и кофе, есть зоны отдыха и общения. Приглашаем психологов и представителей различных организаций, оказывающих разноплановую поддержку женщинам. Теперь к нам можно прийти не только для того, чтобы просто запустить шарик в небо. Можно познакомиться со специалистом, узнать, где оказывают помощь, да и просто выговориться. После первой акции несколько участниц жаловались мне в личном чате, что чувствуют опустошение, грусть, одиночество.

– То есть ваше мероприятие дало обратный эффект? – оживляется ведущий.

– Я бы так не сказала. Может, первые чувства после прощания действительно несколько упаднические, как бывает после любого расставания, похорон. Но в последствии участницы признавались, что им действительно стало легче. Они почувствовали освобождение. То есть наши акции приводят к своей цели: дают женщинам возможность полно пережить утрату и вернуться к жизни.

– И вы гарантируете, что запуск разрисованного шарика в небо станет панацеей для любой матери, потерявшей своего ребенка?

– Я не могу ничего гарантировать. Никто не может. Все

строго индивидуально. Но эффект есть, и он массовый: большинству участниц это помогает. У нас нельзя участвовать больше двух раз. Если женщина записывается в третий раз, мы понимаем: эффекта от наших акций для нее нет, и мы предлагаем помощь профессионала, даем контакты психотерапевта. Кстати, первые сеансы такой психотерапии для наших участниц бесплатны. Все это тоже обеспечивают спонсоры.

– Ого, это уже ощутимая финансовая поддержка. Психотерапия нынче недешевое удовольствие. А можно поподробнее: сколько именно сеансов оплачивают спонсоры?

– Мы сотрудничаем с центром психологической поддержки «Крылья любви», и эта организация предоставляет нашим участницам собственных специалистов за свой счет. Мы просто передаем женщину в их надежные руки и знаем, что первые два сеанса для нашей подопечной абсолютно бесплатны. Дальше центр выстраивает работу с клиенткой самостоятельно. А другой наш спонсор, молокозавод «Коровино», оказывает исключительно финансовую поддержку. Организация выделяет деньги, и мы подбираем специалистов для наших участниц своими силами. Не всегда нужен именно психотерапевт, иногда приходится прибегать к помощи других врачей. Все это происходит на деньги спонсора.

– Ты смотри, какая она стала, Анька, – Эмма зачарованно смотрит на экран, прилебывая вино прямо из бутылки. – А была такая мышка, такая скромняжка! Лесь, помнишь ее?

– Конечно, помню! Мы с ней даже почти дружили.

– Ага, пока эта скромняжка у тебя того баскетболиста не отбила! – встревает Катя.

– Ой, да какой там баскетболист, просто он был длинный.

– «Просто у него был длинный», – передразнивает Эмма и получает диванной подушкой по голове.

– А еще он меня на год младше был и называл знаете как?

– Как?!

– Дамочкой! Представляете? В шестнадцать лет – дамочка! Это ж почти как старухой обозвать! Вот обидно было.

Эмма прыскает и утыкается лицом в колени. Катя утешительно похлопывает по плечу:

– Он наверняка не со зла. Может, он предсказателем был, провидцем? Чувствовал, что спустя двадцать пять лет ты ей и станешь!

– Ой, замолчи, а то тоже подушкой получишь!

– Как скажете, дамочка!..

И вот от закусок остались лишь крошки, открыта последняя бутылка, и три женщины сидят рядком перед огнем, тихо размышляя каждая о своем. Но к одной теме мысли возвращаются чаще других.

– Кто-нибудь общается с Анькой сейчас?

Все отрицательно качают головами. Столько лет прошло – сколько подруг уходит в прошлое, сколько дорожек расхо- дится, сколько знакомых лиц и имен начисто стирается из памяти! Но Аня Костомарова бесцеремонно вернулась в их

жизнь: вот она гордо и уверенно смотрит с экрана на трех былых подруг, уже сонных и пьяных, но еще не желающих заканчивать свой спонтанный девичник.

– Вообще, Анька молодец, я считаю, – решительно комментирует Эмма. – Таковую тему замутила. Нужную!

Катя делает страшные глаза и толкает Эмму в бок.

– А что ты меня толкаешь? Это ж не я замутила, а Анька. Вон скольким людям она помогает! Леське, может, тоже бы помогла.

Становится душно, мерзко. Жалкая фраза вылетает сама собой:

– А мне помощь не нужна!

Быстрее на воздух. К лунной дорожке на озерной ряби. К качелям, подвешенным тут специально для того, чтобы маленьким белокурым девочкам было не скучно, пока три взрослые тети пьют вино и бездумно бьют словами под самый дых.

– Лесь, ну ты куда! Лесь, ну ты чего! – наперебой кричат подруги и, путаясь в пледах и тапках, бросаются вслед.

Присаживаются на деревянные ступени. В молчании закуривают. Смотрят, как качаются гвоздики: влево-вправо, влево-вправо. В темноте все они кажутся одинаково бордовыми.

– Прости, Лесь, не подумав ляпнула, – Эмма покаянно затягивается сигаретой.

– Да ладно, чего там. Ты же как лучше хочешь, правда?

– Конечно, как лучше. Мой Марк, между прочим, отлич-

ный спец по психологической поддержке. Не хочешь к профессионалу, позвони ему. Брат всегда тебе поможет.

– Твой Марк уже однажды «помог», спасибо.

– А что за ирония? – снова вспыхивает Эмма. – Он и помог, все правильно тебе посоветовал!

– Девчонки, не надо, – пытается остановить ссору Катя, но поздно.

– Твой брат что сказал? Оставь ребенка, сказал он! Бог обо всем позаботится, сказал он! Раз тебе послана беременность, нельзя ее прерывать – вот что сказал твой брат! А, вот еще забыла, коронное: врачи часто ошибаются – вот что сказал Марк, твой брат! И что в итоге?

– Леся, девчонки, ну не надо, правда же... – вмешивается Катя, но ее уже никто не слышит.

– Марк не виноват, что в итоге вышло так, как вышло! – защищается Эмма.

– А кто тогда виноват? Кто виноват в том, что на двенадцатой неделе все врачи в один голос твердили, что ребенок не выживет, что можно сделать аборт сейчас, безболезненно, безопасно? Кто виноват, что я послушала твоего брата, который дал надежду своими рассказами про божественный замысел и врачебные ошибки? Кто виноват, что на четвертом месяце стало понятно, что ребенок умрет сразу после родов, а аборт было делать нельзя, и полгода – шесть месяцев, ш-е-с-ть! – я носила растущего, развивающегося, вытягивающего из меня жизнь, но обреченного на смерть младенца?

Слезы все же накатили. Вечно от вина глаза на мокром месте.

– Лесечка, милая, пойдём спать, пожалуйста, – Катя одновременно пытается погладить по голове и тянуть в сторону дома, но сама с трудом стоит на ногах.

– Да оставь её! – злобно бросает Эмма. – Пусть хоть так выговорится. Не мешай человеку себя жалеть.

– Да что ты такое говоришь, Эмм, прекрати же! – Катя уже сама рыдает, утирая глаза вязаным рукавом. Обидно, когда посиделки так мило начинаются и так грустно заканчиваются.

Эмма с силой тушит окурок, встает и, разочарованно махнув рукой, уходит в гостиную. Слышна возня, ругань вполголоса, шуршание: собирает раскиданные вещи. Щелкнула пультом, и замолчал телевизор, яблоко раздора.

– Эй, куда мне спать-то идти? – зовет она.

– Я сейчас покажу! – спешно кричит Катя, с облегчением поднимается и, пошатываясь, тоже исчезает в доме.

Вокруг луны сотня звезд.

«Мамочка, а кто живет... – запрокидывает голову и вскидывает руки к небу: – Вон там?»

Глава 8

Совсем непонятно, который час. Солнце уже печет. Но стоит такая благодатная тишина, какая бывает только утром за городом.

Тихонько покачиваются качели. Безмятежная гладь озера отражает сосновые кроны и белое пятно чайки, что равномерно кружит над водой.

От дома сбегает тропинка, вся в причудливых, словно по лекалу вырезанных кусочках сосновой коры. Среди шишек и длинных иголок копошатся полупрозрачные янтарного цвета муравьи.

Тропинка приводит на поляну, где ранняя пташка в розовом платице крошит хрустящий багет большой стае голубей. Серые, белые, пятнистые, они суетятся, отталкивают друг друга толстыми боками, торопятся подобрать побольше крошек, а чуть подалеку в высокой траве сидит взъерошенный котенок, выпучив глаза на такую кучу дичи и размышляя, как их всех поймать разом или уцепить хотя бы одну, самую толстую.

Солнце играет в светлых кудряшках. Пташка поворачивает лицо, щурится и с улыбкой говорит: «Пошли завтракать, мамочка?»»

В зале на первом этаже распахнуты стеклянные двери, но

еще слышен запах вчерашнего кутежа.

– Не пойму, откуда бычками тянет? Кажется, уже весь дом перетрясла, – виновато оправдывается Катя.

Видно, встала давно: на голове полотенце, в руках спрей для чистки стекол, где-то шумит стиральная машина. Женщина до кончиков ногтей: гулять до трех ночи, а утром за уборку!

– Ой, да мне всегда с похмелья не спится! – смущенно машет тряпкой хозяйка. – Совесть мучает. Ладно, потом закончу. Пошли завтракать, мамочка?

– Что?!

Сердце стукнуло и замерло, вслушиваясь.

– Говорю, завтракать пошли, дамочка! Я про вчерашнее, помнишь? Ну, баскетболист тебя так звал. Оладьи или овсяная каша?

Полчаса спустя на кухне появляется дух перегара, а за ним Эмма. Щеки рыхлые, под глазами мешки. Вчерашнюю обиду как ветром сдувает: природа уже отомстила этой язвительной бестактной женщине.

– Всем доброе утро. Сразу говорю: анальгина, водички, полежать не надо, чувствую себя прекрасно, – и, обведя глазами смущенных подруг, продолжает: – Просто каждый раз одно и то же. Люди пугаются, думают, мне плохо. Пару бокалов выпью, а на утро выгляжу, как последний алкоголик.

– Но вчера было не совсем «пара бокалов», – робко вставляет Катя.

– А, какая разница, – машет рукой Эмма. – Раз все равно терять лицо, так зачем себе отказывать в удовольствиях? Лесь, прости меня, вчера разговор пошел не по той дорожке.

– И ты меня. Пойдем все вместе в лес гулять? Там утром так здорово!

Там в сосновых ветках шуршит ветер, и ангелочки кормят голубей.

Глава 9

На фоне умопомрачительно стильного интерьера грациозно вышагивает кошка. Дымчатая шерсть отлиывает здоровым блеском, под шкурой перекачиваются мускулы. Истинный стандарт кошачьей красоты: совершенство форм, безупречность манер. Кошка вспархивает на белоснежный диван, где приютился образцово обаятельный котенок. Пушистая мама принимается вылизывать малыша, тот блаженно щурится и урчит. Идиллию застенчиво прикрывает известный логотип, вкрадчивый голос призывает покупать лучший в мире корм, и телеэфир возвращается к новостям.

Румяный ведущий освещает тему дня:

– Удивительно, но факт: менее чем за девять недель проект «Эпилог» из разовой, можно даже сказать, уличной акции вырос до влиятельной организации практически государственного масштаба. И этот рост продолжается. С каждым днем «Эпилог» занимает все более прочное место в социальной и экономической жизни страны.

Показывают грустного дядьку в усах и массивных очках. Подпись исчезает настолько быстро, что можно рассмотреть лишь начало и конец: «эксперт» и «Тарлеев В.С.» Область, в которой усатый В.С. стал экспертом, остается неизвестной. Глядя на такие молниеносные подписи, думается, что редактор титров пошалил и вставил совсем неподходящие сло-

ва: «паук» вместо «наук», не «профессор», а «агрессор». Но нет, не поймать этот мираж, не успеть прочесть, не схватить хулигана за руку...

«Верните кошку», – наверняка думает добрая половина зрителей, глядя в усталые очки Тарлеева и слушая его экспертные рассуждения:

– Без сомнения, столь стремительное развитие является показателем острой потребности в решении проблемы неродивших матерей в частности и психологической поддержки женщин в целом. Очевидно, что в нашем обществе назрела данная проблема, и необходимо было среагировать на нее. Раньше или позже, подобный проект обязательно появился бы. Его создала, можно сказать, сама природа современной жизни.

От монотонного бубнежа тоска сгущается, и камера торопливо переключается на ведущего.

– В данном случае природа действовала руками вполне реального человека: Анны Костомаровой, которая всего два месяца назад собрала группу женщин и провела первое мероприятие.

На экране – душещипательные шары, взмывающие в пасмурное небо.

– Многие зрители помнят эти кадры. Тогда сложно было представить, что на наших глазах рождается могущественная организация. Сегодня о фонде «Эпилог» слышал, наверно, каждый. Проект стремительно развивается с каждым

днем. Слово исполнительному директору компании Валерии Ювазовой.

У Ювазовой доброе лицо и командирский голос.

– С радостью заявляем, что в списке наших партнеров появился такой солидный друг, как группа компаний «Нью-Град», крупнейший застройщик и реализатор недвижимости, – докладывает она. – Благодаря помощи «НьюГрада», наш фонд теперь сможет не только оказывать участницам психологическую и финансовую поддержку, но и решать проблему жилья. Женщинам с острым квартирным вопросом будут предоставлены существенные льготы на приобретение недвижимости. К примеру, можно будет получить квартиру без первоначального взноса и выплачивать ее стоимость посильными ежемесячными платежами. Также «Нью-Градом» запущен проект строительства специального дачного комплекса для подопечных «Эпилога». Все это поможет нашим «мамочкам» быстрее выходить из кризиса и приступить к новой счастливой и светлой главе своей жизни.

На экране оживленно беседует компания симпатичных женщин. Одеты по-домашнему, сидят вокруг стола, уставленного чашками, блюдами с конфетами и фруктами. Голос Ювазовой поясняет:

– Сейчас фонд предоставляет бесплатное комфортабельное общежитие. Да даже общежитием это назвать язык не повернется: отель, санаторий, дом душевного и физического отдыха.

В кадре – директор общежития:

– Не всем женщинам, увы, есть куда пойти после операции. У кого-то дома никого, только пустота и детские уже ненужные вещи. У кого-то расстроенный или даже злой, пьющий муж: многие мужчины не только не способны поддержать жену, потерявшую ребенка, но и винят ее в трагедии, тем самым усугубляя состояние. Обычно родственники пытаются проявить поддержку, но делают это совершенно неуклюже. Одни плачут и горюют настолько, что приходится утешать еще и их. Чаще так поступает старшее поколение: мамы, бабушки. Своими причитаниями они усиливают, растравливают боль. К тому же появляется страх расстроить близких своим несчастным видом, особенно если в семье есть нездоровые люди, скажем, сердечники, которым нельзя волноваться. И тогда «неродившая мать» загоняет свое горе глубоко внутрь.

Группа женщин смотрит телевизор в уютной гостиной. Одна из них всхлипывает и светло улыбается сквозь слезы, остальные утешают: поглаживают по плечам, понимающе кивают.

– Другая категория сочувствующих старается ободрить, «встряхнуть», – продолжает директор. – Такие люди говорят: ерунда, не отчаивайся, нарожаешь еще, и этими словами словно обесценивают страдания женщины. Все это лишь расширяет пропасть между безутешной матерью и ее окружением. Женщине хочется сбежать и отсидеться в тишине,

рядом с теми, кто действительно поймет и поддержит. Сейчас таким местом является наше общежитие. Сюда можно прийти сразу из больницы и остаться на срок до двух-трех месяцев. Конечно, никто не живет здесь так подолгу. Пары недель бывает достаточно, чтобы отгоревать и подготовиться к выходу «в мир», к людям. Но осознание, что можно остаться на долгий срок, успокаивает и дает уверенность.

Глава 10

– Эти недомамаши отлично устроились, я считаю! – негодует девушка в метро. Поезд едет неровно, и ее сильно шатает. – Их там кормят, холят и лелеют, селят в санатории. Работать не надо, отдыхай сколько хочешь!

– Ну что ты, – пытается утихомирить ее собеседница, курносая блондинка. – У них же дети умерли. Такую утрату не восполнишь ни санаторием, ни отдыхом.

Сегодня все выглядит ненастоящим. Люди словно вырядились для любительского спектакля. Неумело, наспех, небрежно.

У дверей покачивается мужчина: черный плащ, ладный костюм, дипломат – идеальный шпионский типаж, но нелепая шляпа выдает дилетанта с головой.

Девчушка уступает старушке, да вот странность: в руках у бабули чистый, яркий, абсолютно новый новогодний пакет. Откуда бы ему взяться в июле? Новых еще не продают. Прошлогоднему уже поизноситься бы. И взгляд у бабули хитрый-хитрый, пальчики ухоженные, из-под платка выбивается блестящая прядь, будто и не бабуля это вовсе, а загримированная барышня.

Да и к девчушке вопросы. На дворе снова дожди и слякоть, а ее белые брючки ослепительны, ни пятнышка.

Парень рядом тоже бутафорский. Издали видно: боро-

да-то ненастоящая! И сочетание бейсболки с темными очками подозрительно, ведь всем известно, что это самый простой вариант камуфляжа на скорую руку.

Две дамы сидят рядом и делают вид, что не знакомы, а у самих одинаковые туфли и чулки.

Тетка с несоразмерной копной волос: парик? Мальчик с ранцем – изображает школьника, но зачем ранец летом, в каникулы? Парочка в углу вагона. Вроде целуются, милуются, а сами так и зыркают по сторонам: доволен ли режиссер, впечатлены ли зрители?

И все эти ряженые статисты напряженно прислушиваются к диалогу на первом плане.

– Ой, да ладно тебе их защищать! Они своих детей на руках не держали, ничего в них не вложили. Одно дело, когда ты растишь этого спиногрыза, все силы и деньги в него вбухиваешь, а он бац! – и помирает. Вот это да, трагедия. А тут? Раздули из мухи слона!

Девушка повышает голос. Пассажирская массовка выныривает из телефонов.

– Ну ладно, ладно, – успокаивает курносая. – Для кого-то, может, это и вправду трагедия. Все переживают смерть по-разному.

– Знаешь, я и сама не бессердечная. И много чего в жизни повидала. Точно знаю: все депрессии – от безделья. Чем больше с этими недомамашами будут носиться, тем сильнее они расклеятся. Сама подумай: отчего бы не погрустить, ес-

ли живешь на всем готовеньком? Ты видела в новостях, как у них там все классно устроено? Бассейн, джакузи, массажисты приходят. Все включено! Бесплатно! Я бы тоже не отказалась на месяцок от такого отпуска!

Поезд тормозит на станции, толпа протискивается мимо подруг. Одна грустная женщина не выдерживает:

– Типун вам на язык. Вы не знаете, о чем разглагольствуете.

– Это я разглагольствую? – взвывается зачинщица. – Разглагольствуют все эти спонсоры в телеке, которые не знают, как еще деньги отмыть! А у меня на шее двое школьников, одна их тяну, никто не поможет! Ни спонсоры, ни психологи!

Кто-то хмыкает, кто-то многозначительно качает головой.

Курносая не выдерживает всеобщего внимания, хватается разбушевавшуюся подругу, и парочка выскакивает на платформу.

– Достали морализаторы! – доносится из закрывающихся дверей.

Поезд набирает скорость.

Сонный парень напротив вздрагивает, вынимает один наушник и озирается по сторонам: что за шум? Драки нет? Какая станция? Сколько детей должно умереть, чтобы люди перестали быть черствыми?

Глава 11

Эмма приезжает без предупреждения.

– Тебе все равно не дозвонишься, – поясняет она, выставляя на стол гостинцы. – У Катьки день рождения скоро, помнишь? Предлагаю сейчас подкрепиться, набросать идей и съездить за подарком.

Воскресное утро имеет нотку грусти. Вроде бы целый выходной впереди, но непонятно, куда же потрачена драгоценная суббота? И почему сутки отдыха прошли, а усталости стало как будто еще больше?

Чтобы справиться с горьким привкусом уходящего сквозь пальцы времени, приходится прибегнуть к гастрономическому самоубийству. Эммины подношения оказываются как нельзя кстати. В ход идут пирожные, копченая рыба, кофеин и немного алкоголя.

– Ты что, только встала? – она окидывает подозрительным взглядом халат и разобранную постель. – Погодка стоит сонная, согласна, но нельзя же дрыхнуть весь день! Заработаешь пролежни. На, глотни.

Эмма протягивает стакан американо, от которого разит ликером. И пусть на часах одиннадцать утра.

– Значит, так. Катя у нас из буржуазии, поэтому вещами мы ее вряд ли удивим. Давай подарим ей женственность! Как это так, спросишь ты? Сейчас поясню.

Она в ажиотаже бродит по кухне и дирижирует себе круасаном. Эмма из тех людей, кто способен жить и без порции ликера на завтрак.

– Катя у нас кто? Катя у нас мать, жена и хозяйка. То есть кто угодно, но только не женщина. Нет, я ничего не хочу сказать против ее внешности или женских качеств. Это все у нашей Катки на высоте. Но знает ли она сама об этом? Помнит ли? Вот в чем вопрос. И ответ на этот вопрос мы ей и подарим. Точнее, не ответ, а напоминание!

Ликер явно не стимулирует мыслительный процесс. Поспевать за полетом Эмминой мысли нелегко. Особенно когда за окном тарабанит дождь, и из сумрачной детской, кутаясь в одеялко, сонным привидением выходит заспанная дочка. Волоча по полу одеяловый шлейф, она подходит ближе, поднимает мордашку и вопросительно заглядывает в лицо безмятежными голубыми глазами. Хоть лето выдалось и не солнечным, но щечки и переносица уже украшены веснушками. Кожу она унаследовала от прабабушки: идеальный фарфоровый оттенок в редкую бледную крапинку. Где-то на семейных чердаках еще хранятся письма молодого прадедушки, где он с неожиданной для простого солдата романтикой сравнивает конопушки на лице своей любимой с созвездиями далеких галактик.

– Короче, доедай, умывайся, и поедем в сауну договариваться о девичнике, – вклинивается Эмма. – Масочки, массажики, гидропроцедуры и все в таком духе. Пять часов

женских удовольствий для нас троих. Я уже звонила: нас ждут. Ты собирайся пока, а я поищу всякие глупости для праздничного настроения. Ну там букеты, шарики, стриптизеров... Ладно, ладно, про стриптизеров шучу, не нужны они там.

Горячий душ смывает одурь и сонливость. Представляют-ся испуганные стриптизеры перед тремя тетками в полотенцах и с синей глиной на лицах. Становится смешно. Эмма знает, как расшевелить.

Полчаса спустя жизнь не кажется такой мерзкой.

Эмма все еще на кухне. В початой бутылке вина поубавилось. Кажется, Эммина машина сегодня в родной гараж не попадет.

– Искала воздушные шары, а наткнулась на это. Смотри! Она сует под нос планшет и запускает видео.

На экране три рядком стоящие женщины. Их видно от плеч до бедер, никаких лиц, только туловища.

Наверное, сейчас в кадре появятся стриптизеры, увидят троицу без косметики и рухнут в обморок. Вырывается невольный смешок, Эмма толкает в бок.

Вдруг у актрис, как в ускоренной съемке, начинают распухать животы: первый, второй, пятый, девятый месяц беременности. После секундной паузы девушки поднимают руки с зажатыми в них ножницами и внезапно резким движением пронзают свои животы. Раздается тройной оглушительный хлопок. Животы сдуваются. Из-под маек вытаскивают-

ся обрывки воздушных шаров, слышен веселый хохот, и ролик обрывается.

– Провокация! – комментирует Эмма. – Все ополоумели с этим «Эпилогом». Ты только почитай комментарии!

Из бесконечной ленты ответов взгляд выхватывает несколько высказываний.

«Хулиганская выходка».

«Оскорбительно! Нужно найти тех, кто совершил это глумление, и наказать их. В 2012-м девок-панков посадили за песни в храме, а это видео – еще большее преступление!»

«Да достали эти недомамы! Что-то их стало слишком много. В начале проекта я им сочувствовала, но теперь от всего этого уже тошнит!»

«Раздули из ерунды масштабную трагедию! Их проблема похожа на их же воздушные шарики. Авторам ролика – респект! Лопнуть бы всю эту проблему так же просто, как воздушный шар».

За стеной начинаются гаммы. В такое утро даже до-мажор звучит слегка меланхолично.

Эмма залпом допивает вино, стоя в победной позе: одна нога впереди, рука на бутылке, осанка статная. Со стуком поставив пустой стакан, царски поводит взором.

– Так, – энергично говорит она. – Поедем на такси.

Глава 12

День прошел в хлопотах. Эмма не давала зависать у детских площадок и заглядывать в чужие коляски. СПА-салон оказался приличным, в соседней пекарне пообещали волшебный торт, и подготовку к Катиным именинам посчитали оконченной. После веселого обеда в суши-баре Эмма вызвала такси, чтобы укатить по своим бесконечным делам.

– Можешь меня возненавидеть, – говорит она на прощание, – но мой тебе совет: обратись в «Эпилог». Судя по отзывам, они действительно помогают людям в твоей ситуации. Нет, пожалуйста, не возражай, просто послушай! Прийти за помощью – это не стыдно. Ты ни в чем не виновата, случилась трагедия, и тебе нужно с ней справиться, понимаешь? Разве тут есть место для стыда? Тем более, у руля Анька Костомарова, старая подруга. Такие совпадения, думаешь, бывают просто так? Да сама вселенная шлет тебе знаки!..

При этих словах Эмма выпучивает глаза и зажимает ладошками рот.

– Черт знает что говорю в последнее время, – жалуется она. – Какие-то чужие слова из меня лезут. Знаки вселенной, это ж надо!

Такси, сверкая крышей, исчезает за поворотом. С отъездом Эммы становится невероятно тихо, и гул города только подчеркивает эту тишину. Эмма из тех людей, кто сво-

им присутствием заполняет все трещины, всю пустоту, и так хорошо бывает отдаться уверенному потоку ее энергии! Но стоит Эмме уйти, как тоска возвращается и мстительно заглядывает в самую душу: «Ну что, отдохнула без меня? Развеелась? Повеселилась? А теперь давай наверстывать упущенное...»

Эмма приносит радость, но радость эта утомительна. Приятно идти по улице в одиночку, с гудящей после болтовни головой. Разглядывать дома, прохожих. Наблюдать, как ветер раскидывает тучи по небу и торопливо высушивает город.

В предзакатном свете мир похож на декорации приключенческого романа. Многоэтажки отражают солнце, сияют огненными окнами – и легко вообразить, что это золотые крыши храмов на неприступных скалистых берегах.

Сотовая вышка на фоне туч кажется мачтой пиратского корабля, а ленивого голубя фантазия превращает в дикую морскую чайку.

В сумрачном, тенистом, насквозь сыром дворе уже включились первые огни – то старый трактирщик зажег лампадку над входом в свой кабаk, завлекая моряков жареной камбалой да дубовым ромом.

А дома – она. Сладко спит на софе, раскинув ручонки и тихонько посапывая. Дремлет и стоящий рядом ноутбук, уснула на окне докучливая муха.

Поднять бы ее и отнести в детскую,
(«Тут никого нет», – противно шепчет внутренний голос)

подоткнуть одеяло и смотреть, как оранжевый луч уличного фонаря подсвечивает курносый детский профиль,
(«Посмотри же: на софе пусто!»)
а на полке смиренно выстроились жирафики и мишки,
(«Ты здесь совершенно одна»)
ожидая, когда наступит утро,
(«Ее никогда не было, не было, не было!»)
и снова начнется игра.

Глава 13

«Доброе утро, мои дорогие френды! Спешу поделиться новостью. Фонд «Эпилог» добрался и до нас. Если честно, я была уверена, что за рамки Московской области этот проект не выйдет. Ан нет. Сегодня днем практически прямо под нашими окнами совершилось то самое действие. Столики, шаррики, плачущие дамочки. Все как в столице, прям гордость берет!

Конечно, я быстренько выбежала и сделала несколько снимков для любимых подписчиков. Смотрите фотки, ставьте лайки. Похоже, фонд начал свое триумфальное шествие по городам и весям. Возможно, скоро акции будут устраиваться и в вашем городе. Как вы отнесетесь к этому? Будете рады видеть «Эпилог» у себя в гостях? Делитесь мнениями в комментариях!»

В конце текста блоггер не удержалась и присовокупила портрет себя любимой. Но читатели настолько погрузились в обсуждение «Эпилога», что комплиментов автору не досталось.

По обыкновению, бурная дискуссия привела лишь к тому, что каждый остался при своем мнении:

«В нашем городке все просто. Никаких тебе психоаналитиков, горячих линий и групп поддержки. И как-то справляемся!»

«Ясен пень, врачебную помощь в столице оказывают на более высоком уровне, чем в глубинке. И врачи не такие бездушные и тупые. По-моему, «Эпилогу» надо было с России начинать, а не с Москвы».

«Привет от “бездушных и тупых врачей глубинки”! Вообще-то у нас тут нескончаемый поток людей с настоящими серьезными заболеваниями, требующими помощи. А возиться с такими “пациентками”, которыми занимается фонд, ни у кого нет ни времени, ни сил».

«+1 к предыдущему комментарию. Если мне в больнице скажут: извините, пусть ваш отец с сердечным приступом подождет, пока доктор утешает недомамашу, я, наверно, с этой недомамашей сама так разберусь, что ей реально врач понадобится!»

«Вы передергиваете. Никто не призывает хирургов или там кардиологов заниматься женщиной, потерявшей младенца. Речь о другом вообще. О том, что в обычных больницах женщине после аборта, выкидыша или неудачных родов не к кому обратиться со своей болью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.